

Виктор Балдоржиев

ОДНО ПРАВИЛО

Рассказы

Виктор Балдоржиев
Одно правило. Рассказы

«Издательские решения»

Балдоржиев В.

Одно правило. Рассказы / В. Балдоржиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930134-5

Здесь некоторые вехи судьбы и мысли человека в процессе осознания своего места. Читатель имеет возможность ознакомиться с мировоззрением, сформировавшимся на стыке границ и цивилизаций.

ISBN 978-5-44-930134-5

© Балдоржиев В.
© Издательские решения

Содержание

Одно правило	6
Рассказы	6
Земля боржигинов	7
Навстречу горизонту	7
В долине	9
Манящее слово манул	10
Бег Чирка	12
В армию	14
Иван Грозный и инженер-полковник Тренчик	16
Мой брат Петька...	19
1	19
2	20
О том, как Ваську съели	23
Как зеки учились стихи писать	25
Коля и Люба	27
В мастерских	29
Гохуа	29
Кони Гефеста	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Одно правило Рассказы

Виктор Балдоржиев

© Виктор Балдоржиев, 2018

ISBN 978-5-4493-0134-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одно правило

Рассказы

Читатель имеет возможность ознакомиться с мировоззрением, сформировавшимся на стыке границ и цивилизаций.

Земля боржигинов

Одинокие государства или надменные империи всегда теснятся в центрах, охраняемых непонятными им окраинами, которые сливаются с цивилизацией и тяготеют ко всему человечеству

Автор.

Навстречу горизонту

Помню летящий по степи тяжёлый мотоцикл с коляской, мелькающую вдоль обочин высокую траву и бегущую, высунув алый язык, рядом со мной, смеющимся в коляске, остроухую овчарку. Через много лет отец объяснил: 1957 год, мне два с половиной года, мотоцикл «Ирбит», собака – Пальма. Мы переезжаем на колхозную культбазу возле речки Борзя.

Мнение среды: если ребёнок до пяти-шести лет не научился помогать взрослым, то дальше будет только обузой обществу. Сейчас даже трудно представить, что шестилетний ребёнок может не только ездить или скакать на коне, но и зарабатывать.

Отчётливо помню лето 1961 года...

Мы стоим большой бригадой на сухом участке долины Борзи, в просторечии – Борзянки. Здесь, можно сказать, – родильный дом реки Онон, её среднее течение, вся рыба в этом месте заворачивает сюда, выходя нереститься на заливы. Вокруг – океанские волны трав, попеременно с мерцающей водой, откуда мужики часто приносят здоровенных сазанов.

Мы – сенокосная бригада. Я и мой друг Сашка – на волокуше. Таскаем копны. Живём с подростками в шалаше. Поодаль пасутся кони.

На рассвете меня аккуратно будит кто-то из взрослых. Выхожу из шалаша, бегу в травы и сразу весь облепляюсь мокрой росой трав и цветов. От реки плывут и клубятся белёсые туманы, сквозь клочья их пробиваются первые лучи рассветного солнца. Вся долина озарена алым и бронзовым сиянием. И кони в тумане тоже алые, отсвечивают золотистой и мягкой пылью. Они удивленно поднимают большие головы и стоят в ожидании мужиков и меня, бредущих по траве к ним, чтобы снять с них тренюги и зауздать. Я всегда увязываюсь за взрослыми и первым бегу к своим коням.

Потом кто-то из парней посадит меня на моего старого и белого мерина в рыжих пятнах. Мы скачем в лучах солнца в бригаду.

Наспех завтракаем и впрягаемся в работу.

Жизнь здесь размеренная, ритмичная и привычная. Подростки помогут мне и Сашке впрячь коней, протянуть от их хомутов длинные постромки к волокушам. И мы до обеда подтаскиваем душистые копны к зародам, которые ставят сверкающими вилами мужики.

Недалеко сверкает, изгибаясь, Борзянка, за ней – грядами лысые сопки, на которых видны бетонные доты, редко – чабанские стоянки и кошары, на склонах – пасутся коровы и овцы. Небо голубое, иногда прочерченное белой полосой летящих вдаль самолётов. Над нами величаво проплывают белые облака, иногда закрывая солнце и одаряя тенью.

На обед не спеша едем или скачем на своих конях к бригадному стану.

Через несколько лет, уже подростком, я обучал вместе со взрослыми диких коней. Но привыкал к этой жёсткой и дикой забаве там, на Борзянке, ещё шестилетним мальцом. А ведь мог погибнуть под копытами...

Однажды вечером сельские парни, недавно пришедшие из армии, поймали длинным икрюком жеребёнка, который ходил в бригадном табуна вместе с матерью. Закрутили петлю и, подтянув жеребёнка ближе, прижали за уши к земле, надели узду. Обезумевший дикарь отчаянно пытался вырваться из рук крепких парней. Один из них оглядел нас, окруживших схватку, и крикнул:

– Кто смелый?

Конечно, смелым оказался наш дурак, то есть я.

Парни посадили меня на жеребёнка, вручили поводья узды, и разом отпрянули в стороны. И понёс меня ошалевший от испуга жеребёнок в долину Борзянки. И небо, и залив, и дальние сопки – всё смешалось и завертелось вместе с брызгами воды перед глазами. И вдруг разом померкло. Ещё через мгновенье, сквозь пелену тёплой воды, я увидел мчащегося к горизонту с победно задраным хвостом жеребёнка.

Он сбросил меня в залив и поскакал дальше один!

А парней гонял по степи кнутом, яростно матерился, распекал и грозил судом старый колхозный бригадир. Ведь малец мог убиться...

На следующий год мы пошли в школу. Потом полетели дни, месяцы, годы... Но до сего дня помню себя, шестилетнего, свой первый сенокос, свою первую зарплату (нам зачитывали!), своих первых коней. Иногда вижу во сне летящего к горизонту жеребёнка из колхозного табуна...

Уехав отсюда в юности и через много лет почувствовав приближение старости, я вернулся обратно. Напарник, мой Сашка почему-то оказался в Израиле, остальные сверстники – в разных городах и весях России.

О слове и речке Борзя могу рассказывать долго. Это у самой монгольской и китайской границы.

Больше нигде такого названия не встречал.

На самом деле слово это означает обрусевшее название рода Чингисхана – Бооржа, Боржигины. Люди всегда связывали себя с названием местности. Боржигины – это люди с Бооржи, то есть – из Борзи. По-бурятски звучит примерно так – Бооржын хүн, Боржигантай, Боржигантанай зон.

Здесь всюду – Борзя, одних только речек, наверное, до десяти, город Борзя, село Боржигантай. Принадлежащий боржигинам, места боржигинов. В современной Монголии, а также в других местах России, кроме нашей, таких названий нет.

Слышал, что с древнемонгольского языка слово бооржа переводится, как дикая утка. Представляю, как много было перелётных птиц тысячу лет тому назад в долине Борзянки, сплошь залитой водой, с каким гомоном они поднимались с воды, полной плескавшейся рыбы, какими косяками и стаями летели к далеким горизонтам.

Представьте солоноватую степь, которую питает пресная вода!

На всех картах, обозначающих зарождение монгольской империи, регион среднего течения Онона и долина Борзи обозначены, как место сосредоточения боржигинов и родственных им племён, откуда они начали расширение своих владений.

Конечно, название распространилось вместе со своими обладателями по всему миру, со временем видоизменилось и ныне обозначается с разными приставками впереди или позади слова, например, эль, иль, юрт и т. д. и т. п.

Всюду на картах мира мы встречаем Бордж, Борж, Бурдж, Барж, а то и Боржа, Борджа, этимология многих из них приведёт к боржигинам и речке Борзя. Конечно, в некоторых случаях наше слово может быть изменено до не узнаваемости.

Для нас речка была и осталась Борзянкой.

В долине

В четырнадцать лет я уже считался вполне взрослым и самостоятельным человеком, то есть – добытчиком и кормильцем. 50 овец за смену остригал, не шутка! На ВДНХ грозились везти, народу показывать... Но пока увозили на сенокос, который начинался после стрижки овец.

Любые работы в селе – дело обычное. У нас заведено так: если ребёнок до пяти-шести лет не понял, что надо помогать взрослым, то так и останется на всю жизнь бесполезным паразитом.

В любом селе или колхозе все работы от сезона до сезона. В нашем колхозе было более 70 000 тысяч взрослых овец, с ягнятами переваливало за 100 000. Стрижка начиналась в середине июня.

В каждом колхозе был свой стригальный пункт, где во время стрижки все гремело, звенело, кричало и блеяло круглосуточно. Тишина наступала примерно через месяц.

Начинали готовиться к сенокосу. Дети села разъезжались по чабанским стоянкам. В одно время отец увозил меня к дедушке Начину, где собирались его внуки, мои друзья и погодки.

Стоянка находилась на пологой сопке у речки Борзя, правого притока Онона, которую мы называли Борзянкой. В середине 1960-х годов это была довольно шустрая и полноводная речка. Перейти или переплыть Борзянку можно было в три-четыре взмаха: от берега до берега не более 6—7 метров, но местами попадались глубокие ямы, где отдыхали налимы.

Изгибаясь и отблёскивая серебром на поворотах, Борзянка бежит с Кукульбейских гор по плодородной долине между пологими забайкальскими сопками. Плодородна она травой, которая в долине растёт обильно и всегда. Кроме травы, там во времена нашего детства была ещё и рыба в заливах. Особенно в половодье, когда вся долина заполнялась водой и являла золотистое и подрагивающее над водой марево.

На нерест шёл сазан. Златопёрый он или серебристый не помню, да и не видел давно сазана из Борзянки. Но помню, что он был на удивление крупный. Торпеда, а не рыба!

Обилие рыбы объясняется просто: Борзянка – родильный дом Онона. Вся рыба Онона стремится в эту долину. Ночью долина становилась городом, светящимся множеством огней: народ лучил и колол рыбу. Медленные огни в центре заливов – браконьеры с фонарями и острогами, мечущиеся лихорадочно по склону сопки, то есть по дорогам, фары – милиция и рыбнадзор. Браконьеров так много, что охранники флоры и фауны в растерянности и не знают кого, как и в какую очередь ловить.

Налетало на Борзянку всё военное и промышленное Забайкалье.

Бог с ней, промышленностью, её и тогда было мало, а сейчас и вовсе нет, но Забайкалье без военных – пустыня. С довоенных лет и после войны в наших степях побывали, наверное, все маршалы и генералы страны. Казалось, что здесь служит весь бряцающий наградами и знаками отличий Советский Союз. Особенно в грозящем Китае городе Борзя на берегу Борзянки.

Огни в долине затухали только с началом пальбы. Милиция и рыбнадзор стреляли в воздух и предупреждали в рупоры и громкоговорители, что мирная рыбалка может перерасти в никому ненужную трагедию.

Но такое многолюдье и веселье случалось только в июне, когда в колхозе всюду звенела и заливалась бляньем стрижка овец. Естественно, появиться на речке мы могли только ночью.

Ко времени сенокоса нерест заканчивался, хотя в заливах рыба всё ещё плескалась, а браконьеры не спешили покидать речку.

Весёлый майор из Шерловой Горы, часто рыбачивший на Борзянке, подарил мне сеть-трехстенку. Нитка была прочнейшей. Но каждый раз вместе с пойманной рыбой и порванной в лохмотья сетью, я вытаскивал раздувшихся ондатров, застревающих в ячейках. Старуха дедушка Начина была довольна: шкурки ондатров я отдавал ей, а тушки скармливал собакам. На стоянке их было две – маленькая Чапа непонятной породы и Казбек, красивая и умная овчарка черной масти с рыжеватыми подпалинами.

В шесть утра, когда солнце уже было над дальней сопкой, поёживаясь от холода, я нетерпеливо сбегал к речке и уже у берега чувствовал, что верёвка туго натянута, а по воде идёт рыба. Есть добыча! А потом целый день чинил порванную ондатрами сеть.

Сенокос ещё не начался, взрослые ремонтировали инструменты и технику, никто и ни в чём мне не препятствовал: ведь я кормил нашу маленькую бригаду: иногда притаскивал уток, чаще – рыбу.

Охотничьего азарта у меня никогда не было, нет и сейчас. Но природа зовёт каждого – озеро, речка, высокие камыши и травы. Обилие рыбы и живности. И мы носились вдоль Борзянки с моим Казбеком, иногда переплывали речку, но чаще рыбачили или охотились на своём берегу.

После середины лета уровень воды в долине и реке становился меньше.

В августе по всей долине вырастали зароды сена. Оставлял свои забавы и я, впрягался вместе со взрослыми в работу. Трудились все. Ничего не делающего человека в нашей среде просто не могло быть.

Малолетки – на конных волокушах, подростки – на конных граблях, постарше – на конной сенокосилке, а физически крепкие – мётчики зародов.

Иногда перед рассветом я успевал сбегать на Утинное озеро или вытащить поставленную на речке сеть. В некоторые дни взрослые сами гнали меня и Казбека на охоту, о которой я иногда начисто забывал, залюбовавшись на Утинном озере рассветом.

Онемевший от нежного ликования и весь залитый розоватыми лучами восходящего солнца перед самым прилётом стремительных чирков, я забывал в эти минуты о себе и, тем более, о ружье.

Вернулся на Борзянку я через сорок с лишним лет. Земляки мне сказали, что вода в речке появляется только местами, рыба из Она не заходит. Ондатра исчезла вся. Сазан забыл путь в свой роддом. Люди давно не видели гусей и уток. В степи уже двадцать лет длится засуха...

А когда появился Скаре, возник в мониторе друг моего детства Витя Добрынин, который всю жизнь проработал в Кемерово шахтёром.

– Отправь мне фотографии с Борзянки! – просил он в монитор.

– Приезжай, да съезди сам! – отвечал я ему, боясь говорить правду.

Он не приехал, может быть, ему отправили фотографии другие...

Теперь каждое лето я стараюсь побывать на Борзянке. Вода в русле появляется, иногда – много. Говорят, что речка прибывает с каждым годом.

Буду ждать и ворожить большую воду воспоминаниями о детстве.

Манящее слово манул

Мальчик должен быть добытчиком. Не мужиком, мужчиной. Это разные люди. Разницу надо объяснять мальчикам с раннего детства...

Добрейший дедушка Начин, который был хозяином чабанской стоянки на Борзянке, дал мне старинное ружьё. Гладкоствольное, 20 калибра, с затвором. Ни до этого случая, ни после я таких ружей вообще не видел.

По склонам сопок, которые образуют долину для извивающейся по степи Борзянки, на большом расстоянии друг от друга видны чабанские стоянки, водокачки, кошары, пасутся овцы, коровы, лошади, иногда, южнее речки, верблюды. С южной стороны, у рек и озёр, сопки крутые и трудно сливаются со степью, там часто встречаются доты довоенного укрепрайона, северная сторона, как правило, пологая. До самого горизонта – степь и сопки, степь и сопки. Изредка встречаются кустарники и рощицы осин, по берегу Борзянки – ивы, ильм, высокая трава, часто – камыш.

Живность всякая и сейчас встречается. Волков всегда было много. В одном из исторических документов я нашёл сведения о том, что за день облавы возле казачьего посёлка Кулусутай, а это рядом в Борзянкой, казаки уничтожили 95 волков. Вы представляете, сколько их было в степи вообще?

Но они же должны чем-то питаться. И тут природа не обманула: раньше в степи паслись тысячные стада степных антилоп – дзеренов. Сейчас они возвращаются из Монголии. Уже не помню от кого и где я слышал, что среди монгольских племён наши просторы издавна называли Волчьей степью. Наверное, это правда.

Кроме волков степь богата лисами. Раньше их было меньше. Но сейчас расплодилось видимо-невидимо. Слабым желтоватым огоньком мчится лиса по степи к своей норе, за ней с рёвом летят по седеющей степи мотоциклы или машины. Так было до недавних пор. Но социальный строй изменился, открылись границы, Китай хлынул на просторы России. Лисьи шкуры стали не нужны, а шкурой корсака пренебрегали и в советское время.

Также не нужны стали шкуры енотов, барсуков, тарбаган. Но почему-то их не видно вообще. Куда подевались?

Лично я никогда не интересовался шкурами, а люди, которые носят одежду и воротники из разных животных, вызывают во мне стойкое, простите, недоумение. По мне лучше какая-нибудь модная хламида, крылатка или ещё какая-нибудь немудрящая лапотина.

Но отношение к шкурам я однажды имел. И, конечно, случай этот связан с ружьём, который дал мне дедушка Начин. Оно должно было выстрелить. Для того и театр.

Мы с Казбеком шли по высокой траве вдоль берега Борзянки

Я прихватил ружье и патронташ с пятью патронами. Намеревался пройти выше поставленной сети, перебраться на ту сторону, где поодаль качались камыши Утинового озера. Там у меня был маленький плотик, где я сидел на рассвете или закате, поджидая уток. Я боялся, что колышек, к которому было привязано мое шаткое сооружение, не выдержит и плотик унесёт ветром на середину топкого озера. Надо было закрепить получше, для чего я взял молоток.

Вдруг мой Казбек резко вскинул голову и, прыгнув воду, мгновенно оказался на той стороне, где моментально настиг в кустах какого-то зверя. Дремавший полуденный зной качнулся и взорвался неистовым рычанием и визгом, черно-желтый клубок шерсти взвихрился и покати́лся по прибрежным травам.

Вскинув ружье, я бегал вдоль берега, пытаюсь высмотреть в траве зверя, с которым схватился мой Казбек, но ничего толком не мог разглядеть.

– Назад, Казбек, назад! – кричал я, вскидывая ружьё в сторону клубка и пытаюсь выцелить светлое пятно в этом вихре. Но Казбек не слушался меня.

На мгновенье желто-серая сторона зверя оказалось в прицеле, и я нажал курок. Выстрел грянул и раскатился над водой. Казбек взвизгнул и, мгновенно отпрыгнув в сторону, ринулся в травы. На месте сражения остался лежать убитый зверь.

Быстро раздевшись, я перешел на тот берег.

Попал зверьку прямо под лопатку, наповал. Такого хищника я никогда не видел. Размером с маленькую собаку, но похож на кота, шерсть красивая и пушистая, хвост приплюснутый и тоже пушистый. Не то рысь, не то кот...

Взяв зверя, я попытался раскрутить его над головой и метнуть на другой берег Борзянки. Но силёнок не хватило, тушка плюхнулась и погрузилась в воду. Пришлось нырять за ним, ведь может унести течением. Нашёл я его на дне с пятого или шестого раза.

Переправив добычу, я стал звать Казбека, но он взвизгивал и отбегал от меня. Возле усов на собачьей морде видны были раны и кровь. К тому же он прихрамывал. Смотрел укоризненно. Наконец, я подозвал ставшую недоверчивой собаку, осмотрел. Понял, что в лапе у него сидит дробинка. Попала всё-таки... Надо как-то выковыривать.

Уставший, но гордый, я добрался до стоянки. Увидев мою добычу, старики ахнули: манул! Шкурой этого зверя буряты оторачивают воротники зимних шуб. Редкий и красивый зверь. Исчезает, совсем уже не встречается.

Я загоревал. В неизъяснимой печали стал лечить своего Казбека.
О ружье забыл...

Сегодня манул в почёте. Занесён в Красную книгу. Его охраняют. Он на многих буклетах и плакатах, красуется на обложках красочных изданий. Хищные и пугливые глаза смотрят прямо на меня. Вздвигается красивая шерсть. Неустрашимый, он бежит в жестокую стужу, в летнюю жару, в грохочущие ливни и снежные бураны по моей степи и в свисте ветра мне слышится иногда: «Ты помнишь?»

Помню, всё помню. Прости меня манул!

Бег Чирка

Сегодня везде и всюду говорят о здоровом образе жизни, как будто до этого имели нездоровый образ. И вот очнулись. Ещё немного и – перейдут черту, за которой начинается здоровый образ жизни. Не переходят.

Лично я считаю, что всегда был в здоровом образе, жил здоровым образом, несмотря на оставшиеся в прошлом вредные привычки и болезни. Это сейчас, засев за компьютер и окунувшись в интернет, я попал в самый нездоровый образ, где губительно буквально всё: от рекламы до гиподинамии. Когда я думаю об этих двух явлениях, то в памяти у меня возникает Коля Филинов, водитель машины нашего райкома комсомола. Он весил, наверное, не более пятидесяти килограммов и, естественно, кличка его – Чирок... Самый настоящий здоровый образ.

Здравствуй, Коля Чирок!

Помнишь, как ты подъезжал к редакции и бибикал, вызывая меня. И мы мчались в командировку по всему району. Особенно уважали наши реки – Онон, Борзянку, Ималкинку, озера – от Торейских до самых богатейших рыбой, что возле пограничного села Буйлэсан – Цага-Нор, Баин-Цаган.

Это для кого-то диво, а для нас Буйлэсан – это дикий абрикос. Пусть кто-нибудь другой от слова Борзянка давится дурацким хохотом, а для нас – Родина, неохватные взглядом просторы, гомонящая на воде разная птица, бегущие кони, стада коров и отары овец. И кто-нибудь из наших обязательно добавит: «И огромные сазаны!».

О них и речь.

В начале лета сазаны и вся рыба Онона заворачивала на нерест в Борзянку, которая разливалась по всей долине. Вся ширь между грядами сопкок рябила серебром и медью воды. Пахло рыбой, сенокосом. Никакой магазинной отравы и в помине не было, а о глупых речах или рекламе и говорить неприлично, не было их.

Помнишь, Коля, как однажды вечером, поставив на чабанской стоянке машину и там же взяв остроги, мы пошли к разливам Борзянки колоть рыбу. Уже темнело, по всей долине одна за одной, вспыхивали фарами огни. Такие же, как и мы, браконьеры с фонарями и острогами, таща за собой щиты из досок, бродили по долине, заполненной водой и рыбой.

Машины рыбнадзора и милиции мы, конечно, прозевали. Молодые и здоровые ребята неожиданно оказались за нашими спинами. И, естественно, грянул неожиданный крик:

– Руки вверх! На берег, мужики!

Мы, конечно, бросили остроги и ринулись вперёд, в темноту залива, а когда сблизились друг с другом, ты быстро шепнул: «Дуй в камыши, я уведу их». И я, оторвавшись от Чирка и милиционеров, нырнул в камыши. А Чирок замедлил бег, подпуская к себе погоню...

Это была чрезвычайно забавная игра. При лунном сиянии я наблюдал как маленькая и юркая тень то стремительно отдаляется от погони, то внезапно, притворяясь уставшей, замедляет бег, подпуская милиционеров почти до зоны досягаемости. Они думали, что вот-вот схватят изнемогшего беглеца, который бежал настолько вяло, что казалось ещё немного – и он упадёт замертво. И в тот самый момент, когда думалось, что они его возьмут, Чирок стремительно отрывался от них...

По всему разливу потухли огни. На этом берегу слышались брань, смех, громкие разговоры. Некоторые быстро заводили машины и мотоциклы и спешили уехать, кого-то уже арестовали и вели в милицейский «уазик», кто-то затаился на воде или в камышах.

А Чирок уводил погоню всё дальше и дальше, пока четыре фигурки не скрылись за сопкой... Луна заливала долину зеленоватым светом, рябила серебристая дорожка от камышей, где я сидел, до самого берега. Но вот захлюпала вода, послышались разговоры, показались три силуэта, устало бредущие по воде. Возвращалась погоня.

– Кто это был? – громко и зло спрашивал один из них.

– А чёрт его знает! Но такого шустрога в первый раз встречаю.

– А где его напарник?

– Наверное, шустрее того! – рассмеялся кто-то из милиционеров.

Они не узнали Николая Филинова, Колю Чирка, который много раз становился чемпионом области по бегу на длинные дистанции.

И все мы тогда не знали, что у нас самый настоящий здоровый образ жизни. А сегодня я вытаскиваю свою тушу из-за компьютерного стола, вынырываю из одуряющего виртуального мира, и шагаю в степь. Каждый день. Я должен оторваться от погони века, где реклама и гиподинамия, отравы магазинов и отупляющие речи.

Взлёт возможен только против ветра, истоки всегда против течения.

Я должен вернуться туда, где бежит Чирок.

Там земля боржигинов. Там здоровый образ жизни.

В армию

6 мая 1973 году меня забрали в армию.

Служили в те времена по два года в сухопутных, по три – в военно-морских частях. Старшие, которым довелось служить по 3—4 года, ещё и посмеивались над нами. Но мы отвечали, что в царской России XIX века крестьяне служили по 25 лет.

.....

В начале 1970-х годов военкомом в нашем районе был майор Стружкин. Вот он и снимал стружки со всех директоров школ. Тогда начальная военная подготовка в системе образования была обязательным предметом. На сборы ездили, начиная с 8 класса. Военно-патриотическая игра «Зарница» – обязательная игра. Ещё до призыва в армию мы назубок знали уставы, не глядя разбирали и собирали общевойсковое стрелковое оружие, прошлись по всем обязательным маршрутам бегом, пешком, на брюхе. Напрыгались, наскакались, наподтягивались на турнике. Я сейчас таких накачанных и жилистых ребят вообще не вижу, это какая-то карикатура и олицетворение всей отравы фаст-фуда. А тогда никакой отравы, витамины в организме – все, наличие их демонстрируется на всех конкурсах и соревнованиях.

Задолго до повестки нас вызывали в районный военкомат, где какой-нибудь лейтенант дотошно расспрашивал судьбу и родословную каждого из нас, потом проверяли врачи.

С медосмотром часто получался смех. В некоторые кабинеты надо заходить голым, иногда даже задний проход показывать, а там девчонки чуть постарше тебя... Вот и стоишь весь напряженный, сжатый всеми мышцами, согнуться не можешь, хоть доской клади куда угодно. А она в белом халате, тоже пунцовая вся, не знает с какой стороны обойти, пока не подойдет уткой толстая пожилая врачиха или врач и не согнёт тебя железными руками как и куда надо, заглянет в нужные отверстия, а потом выдаст: «Хоть в космонавты, Следующего подавай!»

Во время беседы и врачебно-санитарной проверки уже иногда слышатся: «В танковые, в сухопутные, связистом пойдёт... Этот слухач, а тот – водила... А вот и гранадёр, в десантники подходит. Ничего – прыгнет. Так... метр с кепкой, пусть растёт. Где палец оторвало? Остальное на месте? С девками балуешься? Ишо нет? Кто „ишо нет“?».

Нас взвешивают, измеряют, простукивают, слушают. Мы ещё не знаем, что впереди у нас ещё много самых разных проверок, экзаменов, тестов.

Проводины в армию в сёлах были, как свадьбы. С народными гуляниями, баянами, гармошками, пластинками, танцами и долгими застольями до утра. Но перед гулянкой – в клуб, где собирается всё село. Торжественное собрание. Выступают – председатель, парторг, проф-орг, комсорг, ветераны, учителя, сами призывники, родители, друзья.

Говорят фронтовики. У всех боевые ордена и медали. Ряженых нет и быть не может.

Случай торжественный и волнующий. Ты – человек, защитник, на которого возлагается огромная честь и святая обязанность. Не знаю, где и как происходили проводы в армию, но у нас только так.

И останется в памяти навсегда!

Уже поздно вечером, после торжественного собрания – гулянка в доме призывника. Тоже всем селом. Вовсю играет баян Журавлёва, Горюнова, Лихачёва, Степанова, стрекочет кинокамера Халзаева. Ведь у нас была своя киностудия. Водка – ящиками, от еды ломаются столы, от фруктов разбегаются глаза. Всего вдоволь, всласть и на дорогу. Танцевали и плясали до рассвета. Случались иногда и драки. Как же без них.

Деревенская знаменитость, дурачок Володя Шангарапов – весь в значках и медалях, у него полосатая дубинка «гаишника» и милицейская фуражка. Всех тормозит, все останавливаются и отдают честь.

С рассветом, ещё не протрезвевших призывников, собирает колхозная машина. 6 мая 1973 года в 10 часов утра мы были возле районного военкомата. Сегодня – день майора Стружкина. Подтянутый, усатый он обходит призывников из всех сёл района, человек двадцать-тридцать, командует, наставляет.

До сих пор не пойму – зачем мы брали все эти вещмешки и чемоданы, а кто-то даже запасную одежду?

И вот команда на посадку в военный грузовик с будкой-кунгом, дверь – сзади, с борта свисает маленькая железная лестница. Сел, устроился, дверь захлопнулась, машина тронулась. Ты ещё протрезветь не успел, но уже чувствуешь, что не принадлежишь себе.

На сборный пункт военного округа...

.....

Однажды на встрече одноклассников наш земляк, года на два младше меня, не заметив, что я нахожусь в толпе, рассказывал:

– Пригнали нас в Братскую учебку, рота ЗАС. Слышу, на плацу мощно поёт батальон:

Что такое учебка,

ты поймёшь погода,

В этом солнечном Братске

ждём всё время дождя.

Пересуды без толку,

Топчем цемент и грунт.

А сержанты, как волки,

«Выше ногу!» – орут.

Пролетело полгода,

Раскупили купцы,

А комбат на прощанье

Нам сказал «Молодцы!

– Витька наш написал, – гордо сказал он. – В Южное Гоби оттуда ушёл. Китайский ядерный полигон слушать. ЗАС. А песня осталась.

Витька – это я. Полтора года проследив за запусками баллистических ракет китайцев из Шуанчензе до полигона Лобнор, прожжённый солнцем Южной Гоби, я вернулся домой 6 июня 1975 года.

Воображение всегда меня подводило. Тогда мне казалось, что я старый-старый человек, безнадежно отставший от сверстников.

Иван Грозный и инженер-полковник Тренчик

На мне была новенькая форма и все прибаамбасы дембеля-1975. До блеска начищенные ботинки, лихо заломленная фуражка, сержантские погоны, внутри которых какие-то пластины. На груди – бант значков от специалиста первого класса до «Отличника Советской армии». Блестит всё – лакированный козырёк фуражки, пуговицы, значки, ботинки, сам дембель и все его тридцать два зуба, один из которых отливают золотом. Шик и блеск! Брюки-хаки, конечно, веером – модный клеш.

Но выделиться не получилось: в коридорах института таких, как я, на каждом шагу и за каждой колонной. С некоторой долей недоумения, смешанной с опаской, на нас смотрят гражданские, шушукающиеся у окон, видно, что они года на три-четыре младше нас. Девчата, пробегающие стайками, обдают волнами кружащих голову запахов. Хихикают в сторону и демонстративно не замечают нас. До них ли, до всех этих суетящихся, когда решается судьба! Документы сданы, даты экзаменов известны.

Времени в обрез, даже рассматривать с набережной китайский город Хайхэ некогда. К тому же Амур рябит сплошной серебряной чешуёй.

В общежитии я скидываю форму и, собираясь отдохнуть на кровати, в сотый раз открываю учебник истории. И опять на странице, где смотрит на меня бессмертный мальчик из пещеры Тешик-Таш, реконструированный М. Герасимовым. Так и говорит глазами ехидно: «Не сдашь. Заупрямишься и не сдашь!»

Захлопнув мальчика, листаю дальше. Иван Васильевич, который Грозный. Опять реконструкции Герасимова. В этом месте всегда проваливаюсь в сон. Откуда-то издалека появляется инженер-полковник Тренчик похожий на Ивана Грозного и грозит мне пальцем: «Смотри у меня! О русском языке говорить не буду, немецкий ты немного знаешь, на историю налегай. На историю!»

Иван Васильевич Тренчик, когда прилетал к нам на точку в Южное Гоби на дежурство, всегда говорил мне, что поэзия никого ещё не прокормила, но если так милы гуманитарные науки, то лучше, конечно, стать историком. «Филология – дело женское. Мужиков там мало!» – назидательно изрекал сухощавый инженер-полковник и перед моим носом трясся его твердый, обкуренный и с желтизной, палец, – «Но филологи – первые помощники при написании научных работ хотя и получают совсем мало. Грамота – двигатель науки».

Мы стоим на ТО – техническом обслуживании. В это время за основную аппаратуру работает запасная, где-то в Казахстане. Основную чистим. Всю: от РЛС до ключей радистов. Мы – радиоэлектронная разведка, по всякому случаю нам выдают спирт. Техническое обслуживание – общий праздник, наш отдых, красная дата, не отмеченная в календарях.

Большинство офицеров части имеют учёные звания, а прапорщики – техники. Инженер-полковник занимается со мной историей. Вообще, он решил, что после дембеля мне надо обязательно поступать в институт.

Мальчик из пещеры Тешик-Таш давно пройден, но сержант Приходько всё время рассматривает его и кладёт книгу лицом мальчика на тумбочку. Некоторые буквы и нос мальчика на странице даже поистерлись.

Сквозь сон слышу какое-то шелестение. Это, видимо, ребята с танцев пришли в общагу. Вот беспечные, завтра же экзамены... Погружаюсь, погружаюсь и снова оказываюсь на выносной, где мерцают экраны локаторов, огромная прозрачная карта-экран, испещрённая линиями и цифрами, за ней суетятся планшетисты, склонились над столами радисты, валяются чьи-то наушники. Пахнет спиртом, бензином, маслом.

Вся точка занята ТО. Голоса весёлые.

Своё техническое обслуживание в аппаратной ЗАС я давно сделал, щётки спиртом протёр, лампы проверил, клеммы прочистил. Часть спирта обменял на офицерские папиросы, часть оставил на вечер. Теперь слушаю полковника Тренчика.

Он открывает учебник истории и говорит, придавая самое серьёзное значение исторической науке: «Следующий у нас – Иван Васильевич Грозный. Тёзка мой. Сволочь, конечно, полстраны угробил. Ну ладно, к тебе это не относится. Итак, Иван Васильевич Грозный – стал царём в три года. Ещё жопу не умел подтирать, а правил... Надо же! Венчался на царство в 17... Как это венчался? С кем венчался?»

Два часа с дотошным инженер-полковником изучаем царствование Ивана Грозного. И всё равно получается, что Курбский был прав, а царь уничтожил много народа. «Сволочь, а не царь. Крымские татары Москву сожгли при нём! Ладно, это к тебе не относится... Идём дальше. Запоминай главное, Виктор: Земской собор, 1549 год. Нет, не так. С начала надо. Записывай – 1530 год, родился, 1542 год – переворот в Москве. Напугали, видимо, тогда парнишку... Глинские... 1547 год – отправился воевать Казань. 1558 год – начал войну с Ливонией. Приходько! Ливонию знаешь? (Нет, товарищ инженер-полковник, я Литву знаю, а Ливонию не знаю...) Ладно, продолжай чистить, клеммы не перепутай...»

Вижу Грозного младенцем, мальчиком, мужем, сволочью тоже вижу..

Приходько чистит спиртом аппаратуру, почему-то к нему наклонился зампотех капитан Тимофеев, которого вообще не должно быть здесь. Инженер-полковник увлёкся историей и продолжает: «...Курбский, царь... Так, так, снова женился. Теперь на Марии Собакиной... Четыре раза был женат. Ну не сволочь, а? Тимофеев, что там делаешь возле спирта? (ЗИП у меня здесь, товарищ инженер-полковник) ... Я дам тебе ЗИП, все ЗИПЫ твои пооткручиваю... Слушай дальше... Ни фиги не могли эти опричники против крымских татар сделать... А страну гробили. Новгород казнили, Москву казнили... Что тут пишут „Вся земля пустее...“ В общем, сволочь, а не царь. Но это тебя не касается. Учи Земской собор... Тимофеев, где твой ЗИП, покажи! Как нанюхался? Нюхалкой пьёшь?»

Просыпался я тяжело, в голове всё еще гудел инженер-полковник Тренчик. Облачившись в дембельскую форму с блестящими побрякушками и прибамбуками, я отправился в институт.

Экзамены принимала пожилая смуглая бабушка в накинутой на тёмное платье белой кружевной шали, с толстыми очками на большом загнутом крючком носу. Большие чёрные глаза за очками всё время вопрошали. Она с демонстративным интересом взглянула на мою форму, особенно на брюки-клеш (вопросительно), загадочно хмыкнула и показала на нарезанные из тетрадного листа билеты, которые ровными белыми прямоугольниками вниз текстом и вверх номерами, лежали перед ней на столе.

– Выбирайте, товарищ... как вас... сержант...

Конечно, мне достался – «Иван Грозный и Московская Русь в эпоху его царствования». Знакомая до зубной боли тема.

Конечно, я сказал об Иване Грозном всё, что думал о нём инженер-полковник Тренчик, чему чрезвычайно радовалась бабушка-экзаменатор, по всей видимости, симпатизировавшая князю Курбскому. Но вердикт не соответствовал её оживившему при моём ответе состоянию:

– Товарищ сержант, за ваши соловьиные трели я ставлю вам два. Это даже много. Интересно бы знать – где и кто вас учил истории?

Через два дня я сдал документы на отделение филологии. Экзаменаторы остановили меня на половине «Евгения Онегина», а рассказать я мог бы весь роман...

Всю жизнь после этого я зарабатывал на хлеб писанием научных трудов разным военным и не военным, желавшим иметь учёное звание, хотя и это отделение не окончил, перейдя на работу учителем русского языка и литературы в среднюю школу, а оттуда судьба моя пока- тилась колобком, пытаясь уйти от всех ловцов и опричников.

Мой брат Петька...

1

– Витьки у вас не было, тётя Маш? В школе его спрашивают.

– Был. Куда ж он денется. Ускакали они с Петькой в степь на тракторе. Вождением занимаются, – отвечала тетя Маша, сгорбленная десятилетиями работы в колхозе женщина, мать Петьки.

Лучистые глаза её в мелких сетях морщин чуть-чуть посмеивались.

– Водку, наверное, пьют снова, – добавляла какая-нибудь соседка тётя Маши, только пришедшая из центра села, которое находилось почти в километре от посёлка, построенном для переселенцев, но заселённом самым разным людом..

– А может и пьют. Взял Петька сало, яйца, зелень с огорода насобирал, – спокойно говорила тётя Маша, шурясь на тёплый багровый закат, разгоравшийся над ближней сопкой так, что насквозь бронзовели высокие травы, а над конями, пасущимися на горизонте вспыхивал золотистый ореол.

В деревню в умиротворённом спокойствии вышагивали, покачиваясь, коровы. Целое стадо. Над ними облачками мельтешили комары и мошкара, тоже в бронзовой пыли от лучей заходящего солнца.

Тётя Маша разговаривала с молодыми соседками у штакетной калитки, над которой нависали густые ветви старого тополя, морщинистый ствол дерева прятался с густых охапках листьев, повисших на ветках. За соседками виднелось уютное крыльцо со скамеечкой, коричневая дверь в сени. Оттуда появлялась баба Феня, высокая и жизнерадостная старуха, сестра тётя Маши. Она была лет на пятнадцать старше тётя Маши, но казалось, что моложе её на столько же лет.

Витька – это я. Петька – мой брат.

Я всегда знал сестёр, тётю и мать Петьки, такими – высокая и стройная в семьдесят лет, сгорбленная и суетящаяся в пятьдесят пять. Оба всю жизнь работали в колхозах и совхозах, пока не осели здесь вместе с Петькой. Он был единственным мужчиной, надеждой и опорой двух старух, которые сами того не зная, незаметно, год за годом, превращали свою кровиночку в добродушного иждивенца. Умная воронежская кровь Петьки, смешанная с кровью сибиряков, не хотела становиться нахлебником, сопротивлялась и бунтовала, но любовь была упорной и настойчивой. Всё лучшее Петьке, последний вкусный кусок Петьке, рубль остался на хлеб – Петьке. Сопротивление Петьки слабело год за годом. Вот и водочку он стал попивать и меня к этому приучал...

Мы были с ним братьями. Не по рождению, с малых лет. В те далёкие годы тётя Феня трудилась где-то в другом колхозе, а тётя Маша работала у нас ветфельдшером. Днями и ночами моталась по степи на пароконной телеге. А Петьку оставляла у нас. Он был ровесником моему брату, значит, старше меня на четыре года. Мы пока росли, стали братьями... Кем ещё другу другу мы могли стать?

Вождением мы занимались потому, что обязаны были заниматься. После школы Петька работал учителем машиноведения. Попробовал поступить в какой-то техникум, не получилось. Поступил заочно в институт. Он хорошо разбирался в технике. От природы был механиком. Вот и пригласил его вторым учителем машиноведения Валерий Николаевич Федурин, старый учитель, с большим стажем. Петька стал Петром Федоровичем Соколовым. Потом он сходил в армию, вернулся красивым русым сержантом. Снова стал преподавать.

А я в это время заканчивал десятый класс. В школе было два трактора. На новеньком МТЗ-50 Петька обучал старшеклассников вождению.

Со мной занимался отдельно.

Мы уезжали с ним на нашем тракторе в степь, брали бутылку водки, закуску и допоздна сидели на берегу озера, беседуя и рассказывая друг другу стихи.

– Ну, брат, поехали! – добродушно говорил Петька, протягивая мне гранённую рюмочку водки и пододвигая кусок чёрного хлеба, на котором белело сало.

Мы называли тётю Машину скатерть, которую он возил в тракторе, самобранкой. Чего только не ней не перебивало. Сегодня были яйца вкрутую, сало, лук, чёрный хлеб. И соль. И водка.

Мне ещё и 17 не было... Я бодро опрокидывал рюмку. Водка жгла недолго, потом тёплая волна прокатывала по телу. И мы на миг воспаряли над степью. Русые Петькины вихры отливали закатным жаром солнца. Так легко и радостно было сидеть в степи и смотреть на травы у новенького трактора.

– Май весёлый... – пело в груди.

– С белыми ночами, – задумчиво продолжал Петька.

И вдруг, остановившись, поворачивался ко мне:

– На охоту поедем?

После второй рюмки:

– Человек человеку – не друг и не враг, но подобие его. В общем, брат. Как ты думаешь? Я думал также...

Было это в сентябре 1971 года. Сейчас зима 2018 года. Он третий год в могиле. Умер от водки. И я уже не ругаю его за пьянство, как при жизни. Все вспоминаю, вспоминаю...

Обязательно вспомню и расскажу о них, двух воронежских бабушках, которые жили в сибирской деревне, со своим Петькой. Пока не грянула перестройка с последующей перестрелкой и перекличкой, на которой уже нет ни бабушек, ни Петьки. Они ушли, как жили, без укора и обиды. Их дом сегодня оседает в землю рядом с моим. И смотрит на мир пустыми глазницами окон. Там обязательно поселятся хорошие люди.

Так должно быть.

Ах, да вспомнил: за всю свою пьяную и трезвую жизнь Петька не произнёс ни одного матерного слова. Не умел...

2

Интересно, что у сестёр были разные диалекты. Баба Феня сохранила воронежский, который тётю Маше не шёл, она уже вся была забайкальским человеком и речь у неё, конечно, тоже была забайкальская.

– У нас в Рязани грибы с глазами, они глядят, а их ядят. Наречие у нас такое! – Смелась задорно баба Феня.

Ей тогда ещё и семидесяти лет не было, глаза молодо лучились, и вся она светила былой красотой, как заходящее за тучами солнце в пасмурный день.

– И каво ты вспоминаш? Пошто о ём говорить? – Беззлобно спрашивала тётя Маша, хотя прекрасно понимала «каво вспоминаш» её сестра.

Вспоминала она, конечно, Воронеж. Не то сам город, не то село Малоархангельское, где она когда-то жила, не забыла, видимо, тосковала и сохранила до самого ухода в иной мир свой говор или наречие, как она выражалась.

Мне довелось изучать этот говор, который относится к рязанской группе. Изучал и сибирские диалекты, на одном из которых говорила мать моего Петьки. Родные сёстры, но речь совершенно разная. Так распорядилась судьба.

Почему занесло их сюда, в забайкальскую степь, из села Малоархангельское Воронежской области, какие ветры их пригнали или сами подались? В памяти у меня остался только смутный рассказ бабы Фени о том, как они ехали по железной дороге в 1940 году со множеством других людей на восток. Она – тридцатилетняя и сестра её – пятнадцатилетняя. Почему вдвоём? Как они оказались вдвоём? Где родители? Почему они оказались в этом вагоне?

– Во-во, кочет кур гоняеть! – задорно восклицала баба Феня, глядя в окно, где гомонило большое хозяйство тёти Маши.

Глядя на это хозяйство, я всегда вспоминал утро Чичикова у Коробочки. Вот он, ещё сонный после мягчайших перин, подошёл к окну и видит во дворе галдящих кур, гусей, уток, овец, а какая-то ленивая и обожравшаяся всякой всячины свинья мимоходом съедает зазевавшегося цыплёнка. О какой сытости и каком достатке говорит этот факт...

Конечно, тётя Маша ни при каких обстоятельствах не могла напоминать Коробочку, но хозяйство... Куда денешь бережливость и рачительность?

Через много лет я вижу этот дом и хозяйство совсем другими глазами. Эти люди ни одним движением не превращали свою жизнь в мучительную для себя каторгу, которую я наблюдал и наблюдаю повсюду. Даже весь домашний мусор у бабушек был отсортирован.

Тётя Маша обладала каким-то особым даром выращивать свиней. Гладких, жирных и чистых. Всегда двух. По весне покупала двух поросят и до поздней осени они вырастали в огромных белых свиней. Главным забойщиком был я. В конце ноября Петька звал меня. Стрелял он сам из своего ружья. Всё остальное делал я. Работа эта мужская, требует чистоты и аккуратности. Опаливали лампами. На всякий случай держали старую и чистую рессору от тракторного прицепа. Если была необходимость, я добела накаливал рессору. Обычно, она нужна при обработке ног или ушей свиньи.

Баба Феня ласково смотрела на нас в окно, а тётя Маша возилась возле меня и Петьки со свиньей требухой, кровью, осердием в тазах.

Морозы стояли крепчайшие, и вся даль до горизонта была покрыта белым, искрящимся, снегом. Ближняя сопка была усеяна весёлыми ребятишками, которые скатывались на санках и лыжах.

К вечеру свинья или по местному «чушка» была опалена дожелта и разделана. Вот уже появился желтый свет в окнах деревенских домов, а на печи тёти Маши клокочет полный чан мяса, картофеля, лука, овощей. Умопомрачительные запахи плывут по избе!

На столе дожидались нас огурцы, помидоры, грибы и прочие разносолы, фрукты, вареные яйца. А бабушки ещё не спеша лепили пельмени. И, конечно, посередине этого обильного стола блестела запотевшая бутылка водки и сверкающие рюмки. Всё это для нас с Петькой.

Бабушки, насколько мне известно, никогда даже и не пробовали водку. Они полагали, что мужик просто обязан выпить рюмочку-другую. Об алкогольной отраве в сёлах 1970-х годов никто даже и не думал.

Выражались о водке: чистая, как слеза...

После первой рюмки Петька зачем-то вышел на улицу.

Я невольно услышал как баба Феня выговаривала своей сестре:

– Хоть бы один раз приехал однорукий чёрт! Он же весь в него, = кивнув вслед вышедшему Петьке. – Весь!

– Да што ты всё время его вспоминаш? – всплеснула руками тётя Маша. – Двадцать пять лет не было и ишо столько же не надо. Оставь, Феня, этот разговор. Петька идёт...

Через много лет я узнал, что отцом Петьки был однорукий фронтовик из соседнего района Фёдор Соколов. Узнал об этом и Петька. Но сейчас он зашёл с мороза, ополоснул руки под рукомойником и весёлый сел за стол.

– Наливай, брат! Подцепляй грибочки-то.

Да... «На них глядеть, а их ядять...»

Воронежская фамилия сестёр и Петьки была – Вобликовы.

О том, как Ваську съели

Добродушный увалень Володя Левченко в своё время объездил все степные просторы СССР. Он и тракторист, и сталевар, и крановщик, и грейдерист. Килограммов за сто двадцать весил в молодости. Лицо широкое, сам шутил; из-за бочки только уши видны.

Рассказчик отменный.

Друзья уговаривали его писать прозу. А он – нет, рассказы мне ни к чему, если я – поэт. Но никто его стихотворений всерьёз не воспринимал. Рассказы слушали, как говорится, открыв рты и затаив дыхание. Конечно, все они были художественными, яркими, насыщенными, но самое главное – они были реальными случаями из жизни, в правдивости их никто не сомневался.

Один из рассказов я запомнил на всю жизнь.

.....

– Тарбаган говоришь? Это же обыкновенный сурок. Их несколько разновидностей. Видел я их, почти всех видов! Самые крупные в Казахстане. Я там на целине был. Мы такие просторы распахивали! Даже голова кружится от воспоминаний! Вот там и были эти тарбаганы. Видимо-невидимо. Байбаками их называют в Казахстане.

Правда, байбак будет покрупнее здешнего тарбагана, но более, как бы сказать, рыхлый что ли... Ерунда, что их нельзя приручить. Ещё как можно. Хватать их, конечно, надо умеючи. Если вцепится, не оторвёшь. Он сомкнёт клыки, как клещи. Не разожмёшь! Так и помрёт вместе с тобой.

Наш тарбаган покрасивше будет байбака. Наш – более насыщенный цветами, иногда и чернотой, и серым отливаёт. А байбак песчаного цвета, разве что брюхо у него темноватое, да ещё брови пятнистые. Ест он разную траву, любит овёс. Если в степи растёт дикий овёс, значит, поблизости может быть и колония байбаков. Мясо его вкусное, не хуже, тарбаганьего. Байбака едят все. Птицы, люди, хищники всякие. На целине мы только его и ели. Даже дома довелось держать.

– Приручал что ли? – спросил кто-то.

– Конечно, на целине. Мы распахали такие просторы, где, наверное, миллионы байбаков жили. Сейчас их мало. Либо они ушли, либо вымерли, либо перебили всех. Но навредили мы ему целиной здорово.

Однажды я поймал байбачонка. Бегают они медленно. Я был на пахоте, издалека его увидел, он, глупый, видимо, далеко от норы отошёл. Остановив трактор, я быстро догнал его, накрыл телогрейкой, а потом взял за шкирку... Положил в армейский ящик, который был у меня в тракторе. Привёз домой.

Васька быстро стал ручным. Разжирел сильно. Правда, накопал вокруг дома и под домом нор с разными ходами и выходами. Я даже бояться стал, что дом упадёт. Ребятишки мои привыкли к нему и всё время играли с ним. В общем, стал своим. Бегал, путался под ногами, еду выпрашивал. Зимой он проспал в подполье, была у него там дыра откопана, прямо под печью уходила в глубину.

К осени следующего года разжирел Васька до не могу.

– А что потом? – спросил я, перебив внезапно рассказчика.

До сего дня я жалею, что остановил Володю.

– Что, что. Как-то приехал ко мне брат. По пьянке мы зарезали и съели Ваську...

С тех пор я перестал слушать рассказы Володи Левченко.

Как зеки учились стихи писать

Лёшка, мой старинный друг и земляк, рассказывал.

.....

На промзоне было, костерок развели, чифирь заварили.

Семейка поэтов со второго отряда: я, Аркаха Первый, Аркаха Второй, Ермак. Культуру повышали. По фене ботать в падлу. Давно договорились. Стихи разбираем. Для начала байки травим.

Аркаха Первый, брательник мой, вспоминает:

– В одной хате я с ним был. Он их схватил, когда с прогулки заводили. Его откуда-то с границы привезли, он так и называл себя «Приграничный комбайнёр». Ну, укоротили кличку, Комбайнером стали звали.

– А что схватил-то?

– Оладьи какие-то у охраны стащил. Они с прогулки толпу заводили, а Комбайнер умудрился не то из комнатки, где они чают, не то ещё откуда-то у них стащить папушу оладьев. Они пересчитали зеков, завели в камеру, вернулись чай пить, а оладьев-то и нет.

– Ну-у, – придвинулся к рассказчику Ермак, сдвинув козырек пидарки на ухо и успевая дуть на коричневую, пенящуюся, жижу в кружке.

– Что, ну... Снова открыли нашу хату, обыскали Комбайнера. Нет оладьев. А когда ушли, смотрим – Комбайнер сидит на шконке и пожёвывает оладьи. Ещё и нам предлагает. Мы рты разинули, а он смеётся.

– Во-о артист! – присвистнул я от изумления.

– Ещё какой! – сверкнул фиксой двухметровый Аркаха Первый, – С первого дня на нём был полувоенный китель. Он его почти на голое тело носил. А теперь он снял китель, вынимает оладьи, ржёт и бьёт себя по худым плечам маслянистыми руками. «Вот, они погончики!». Он их на плечи под китель положил.

– Били его? – поинтересовался Ермак.

– Когда было за что, били. А что толку. Комбайн же железный. Однажды он что-то накосячил, всей хатой его метелили, а он согнулся эмбрионом, накрылся кителем и молчит. А потом выкинул худую руку и кричит: «Погодите, погодите!». Все отпрянули, а он сел на пол и заявляет: «Вы бы хоть перекурили что ли?»

– Всякие пассажиры есть, – заметил Аркаха Второй, доставая из кармана куртки листок с моим стихотворением. – Ладно, хватит об этом Комбайнере. Стихи Духа будем разбирать. Сегодня их очередь.

Дух – это я, Лёшка. Мы все тут по большим срокам находимся. И все пишем стихи. Семейка наша – кружок поэтов. Всю библиотеку зоны перешерстили, с воли шлют книги, из семей, каких-то обществ. Шаламов, Пастернак, Гумилев, Шекспир, Ронсар – вся русская и зарубежная классика нами читана и перечитана до дыр. Но всё равно чего-то не хватает...

– Начинай! – одобрительно сказал Ермак. – Время есть.

– Выйду отсюда в фуфайке,

взятой за десять рублей,

женюсь на блядуге Файке

как можно скорей, – выразительно прочитал Аркаха Второй, засмутился и закашлял.

Но вдруг его остановил Аркаха Первый:

– Погоди, погоди, Арканя, не гони. Во-первых, договорились – без всякой фени и матов. – Большими ладонями он будто бы отодвинул феню и мат, выразительно оглядывая кружок. –

А тут сразу – оскорбление. Фая – растянута до Файки ради рифмы, но в середине строки – оскорбление женщины, не заслужила она этого. Не надо почём зря обижать Фаину. Обоснуй, Дух? – Повернулся он ко мне.

Я отодвинулся от него, тем более, что тональность его голоса была готова измениться. Зеки это чувствуют до изменения. Потом будет поздно. Тут неважно брательник он тебе или нет, тем более с Архакой мы с детства дрались. Справедливость в наших условиях важнее всего.

В неволе всё и все требуют обоснования. Нет – значит врёт.

Момент был затруднительный. Прав братуха. Крыть нечем.

– Эмоции! – Уныло согласился я, думая, что лучше бы уж о Комбайнере продолжали разговор, чем о моём стихотворении.

Ермак подбросил в костёр щепок, подвесил жестяную банку с водой. Вокруг нас высились недостроенные здания, в которых мы варили трубы отопления. Где-то разговаривали офицеры, солдаты, зеки, тьякала собака.

В это время к нашему костру робко подошел невысокий мужичок из нашего же отряда. Я заметил, он давно посматривал в сторону нашего кружка. Но подходить и общаться, видимо, опасался. От наших бушлатов и лиц, наверное, пахло серьёзной угрозой. Краем уха мы слышали, что мужичок вырос до строгого режима из-за смешной статьи, 209-й – тунеядство и бродяжничество: когда его перестали сажать, он принялся воровать стираное бельё. Три ходки и человек – рецидивист.

Он подошёл и несмело протянул руку к листку бумаги с моим стихотворением, который держал в руке Архаха Второй:

– Позвольте посмотреть, молодой человек?

Воздух сгустился, даже на расстоянии можно было ощутить, что семейка наша напряглась. Я одобрительно кивнул Архахе Второму. Тот небрежно протянул бумагу этому невзрачному бродяжке, который изящно взял листок и жадно вгляделся в буквы.

Нам показалось, что читал он очень и очень долго. Наконец, мужичок заинтересованно оглядел наши обветренные лица, жестяную банку, кружки с цифирем и сказал профессорским голосом:

– Стихотворение, конечно, очень слабое, сразу видно, что автор страдает от недостатка образования и культуры, но...

В этом месте семейка, сидевшая скрестив ноги, даже привстала.

– ...но оправдывается лирическим содержанием. Полагаю, что у автора есть недюжинный природный дар стихотворца. Для лиричной души русского человека это весьма характерно.

Привставшая семейка зеков на миг повисла в воздухе.

Обратно села уже поодиночке.

.....

С того момента прошло много лет. Лёшка – одарённый и замечательный поэт. Выпустил уже несколько поэтических книг. Речь профессора не забыл.

Коля и Люба

Нормальный человек так не может кричать. Это какие-то невероятные и жуткие звуки, в которых хрипят и шипят, дико плачут и воют гласные и согласные. Мир наполняется эти ужасными звуками. Обрываются они внезапно и так, что даже не верится. И я долго привыкаю к тишине.

– А где мы можем жить? Только в деревне. Всю жизнь в совхозе работали. Он так с быками и коровами обращался, что все ветеринары ему завидовали, – тихо говорит Люба о том, кто только что так ужасно кричал. – Надо привыкнуть. Он тоже привыкнет, слушаться будет. Коля, замолчи, не надо кричать. Понимает он, видите?

Коля, порывавшийся снова закричать, действительно успокаивается.

В голосе Любы умиротворённость. Она довольна. «А до этого? – боюсь спросить я. – Каким он был до этого?»

Я думал, что он так будет кричать без конца. Как лечиться остальным?

Недавно врачи напугали меня и родных: в любой момент может случиться инфаркт. Положительные эмоции испытываете? Откуда они у нас могут быть? Среда не знает воскресений, всё время в агрессии и напряжении: каждый остальным свою доброту и любовь доказывает. Врачи послушали, покачали недоверчиво головами в белых колпаках и определили в узенькую, как пенал, палату на четыре койки. Лечение: горсть таблеток и капельницы.

Здесь я познакомился с Любой и Колей. И Кешей, который лежит на кровати возле двери. Баню он строил, хотя недавно приехал после операции на сердце. А тут опять жена повздорила с ним, никак не хотела уступать, всё любовь свою оберегала. Итог – второй инсульт. Кеша говорит, что он всё равно закончит стройку. Даже жена его думает так. Она часто бывает в больнице, и долго шушукается с Кешей у окна коридора. Всё доказывают...

А Люба медленно катит мимо них Колю на коляске, тот разглядывает самодельные плакатики, которыми увешана вся стена. Коля ещё может высоко и криво вскидывать голову. И снова заходится в жутком крике.

Они – муж и жена. Им по пятьдесят. Не старые ещё. От совхоза остались фундаменты домов, гаражей, ферм, какие-то ржавые железки. И воспоминания. Настоящая жизнь Любы и Коли была и осталась там...

Говорю им, что посмотреть на развалины бывших колхозов и совхозов когда-нибудь поедут иностранные туристы. Но Любе и Коле безразлично. Они уже свыклись со своей бедой. Люба говорит, что через неделю ей надо везти Колю в город, на ВТЭК. Оказывается, инвалидность надо удостоверить каждый год. Врачи должны посмотреть на её парализованного Колю и убедиться, что он по-прежнему «овощ», которому нужен уход. Как и на что она повезёт его на комиссию?

– Где они набрали, откуда притащили эти мерзавчики? Ну, бутылочки такие. В лабораториях такие бывают... Пили их, пили, – рассказывает о случившейся беде Люба. – Откроют мерзавчик, смешают с водой и пьют. Злыми от него делаются, ужас! Потом, как и всегда, разодрались. Я же их и унимала, разгоняла по домам. А Коля вечером снова потащился в эту «кафешку», ну дом такой, заброшенный. Там все наши ханыги собираются... Я и забыла про него. А утром – завыли его родственники: убили Колю. Прибегаем, лежит. Раскоряченный среди окурков и бутылочек этих. Потом врач сказала, что его душили да не задушили, какие-то нервы повредили. Уже третий год так живём. Пенсию хоть дали. Легче стало...

У меня начинает стучать в висках. Пенсию им дали. Всюду эта пенсия, нескончаемые разговоры про пять, семь десять тысяч рублей. У кого больше, у кого меньше. Люди жизни свои отдали, а теперь недовольны, как будто что-то ещё забыли у них взять.

– Пенсия это хорошо! – говорит из своего угла рассудительный Кеша. – Раньше получил. А по закону ещё бы лет десять ждал.

– Тогда, наверное, и пенсий-то не будет! – восклицает Люба.

Раньше им назначили пенсию. Повезло что ли?

Люба, наверное, первой красавицей была в молодости. Стройная, рослая. Рыжая коса без седины. И Коля, конечно, был видным мужчиной. Фактурность в нём и сейчас проглядывает. Кучерявый, смуглый, черноволосый, Люба говорит, что он ещё и гармонист. Первый парень на деревне. Порой он слабо шевелит длинными и худыми пальцами. «С быками управлялся...» Иногда взгляд его осмысленный. Повернёт голову на человека и «читает» его. И тогда в нём что-то булькает. Люба хорошо понимает его «речь». Они как бы беседуют между собой.

Дети их давно живут далеко от родной деревни. Но одна дочь дома. Никак не уезжает. Не пьёт, потому на ней вся семья.

– Туалета же у нас дома нет, а он только под себя может. Кроме того, его надо одеть, обуть, обтереть. И не один раз. – Как о чём-то будничном говорит Люба. – Сейчас он совсем лёгкий. Поднять и перевернуть его милое дело. Нигде у нас нет туалетов дома, только в огородах.

Мы с Кешей становимся свидетелями того, как Люба делает это «милое дело». Почти три года она ухаживает за Колей. Многих жён стоит эта Люба!

– Правая нога у Кольки ещё шевелится. Вот-вот, снова характер показывает. Не лягайся, чёрт! – смеётся Люба, радуя Кешу и меня.

Она умело и быстро одевает на мужа рубашку, но тот, пробует пнуть жену, при этом мычит и гневно показывает ещё живым глазом на Кешу и меня. «Ревнует!» – догадываюсь я, выходя в коридор.

И снова слышу страшные крики бедного Коли.

– Раньше он притащится домой пьяным, орёт на всех и бегаёт с ножом. Нет, зря пугаетесь, не убил бы он никогда, хотя кто знает пьяного. Добрый он, мухи за всю жизнь не обидел... Может быть лучше так-то. Ведь сейчас и пенсию получаем, а раньше денег вообще не было. – Обречённо и тихо шепчет в палате вечером Люба, бережно покачивая толстый матрац задремавшего Коли. – Вот подняла я его, развернула, обтерла и спать уложила... Лучше может быть так, а?

Душа моя сжимается и содрогается. Отворачиваюсь к стене, чтобы никто не видел моих слёз.

У кого и какие тут могут быть слова? Эх, страна...

В мастерских

Гохуа

– Представляешь, покойник меня обнял и спрашивает: «Когда?»

Ни о чём не говорит, ни к чему не обязывает такой вопрос? Это возможный разговор 1989 года в мастерских, где, на самом деле, должен быть один художник, но обитает всегда много артистов. Отсюда и стиль.

В том году Юра заговорил о гохуа. Это гохуа должно стать нашим. Искусство вечно! Надо успеть за свою жизнь. Наши краски, наши цвета, наши картины. Всё что относится к разным краскам нашей земли. Так объясняет. И пытается одним движением, не отрывая кисть от бумаги, изобразить это самое гохуа. Может быть, несколько движений требуется? День пытаются, два пытаются, вот и третьи сутки пытаются. Всё потому что границы открылись. И Китай хлынул к нам. А великий Ге Ша, отправившийся из Пекина в Мангышлак, завернул в нашу мастерскую.

До этого мы о гохуа и слыхом не слыхивали. Ленина на линолеуме вырезали, гуашью мазали, маслом писали. До Ильича заказывали «четверик», то есть Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, потом одного замазали, пошли заказы на «тройку» – Маркса, Энгельса, Ленина, а в последние годы, перед открытием границы, автоматически размножали только Ильича. Пережил.

В перерывах между деньгами, то есть заказами и пьянками, каждый выводил что-то своё. Но после «четвериков», «троек» и ильичей очень трудно оживить воображение и что-нибудь выдать. Как сказал Юра, это как жопа, затянутая паутиной. Видимо, намекает на общий творческий застой, хотя ему намного легче, чем другим. Он – график, человек, владеющий острейшим ножом, которым вырезает всё, что необходимо, на линолеуме, а нужные заказы нарезал давным-давно и уже успел забыть о них.

Руки его, по мере необходимости, могут превращаться в перья для туши, карандаши, кисти, флейцы.

– Вот, – потряс он однажды жилистыми руками, отмерив их по локоть, – до этих пор золотые, а дальше – платина.

Но вдруг всё эти фигуры завертели и исчезли в какой-то вихрящейся красной мгле, как в турбине. Куда их выбросило, неизвестно.

Но мы же остались. А Юра даже не заметил этих перемен. Он теперь занимался акварелью. Вот уже три дня вода привлекает его больше водки! Потому что гохуа это – вода и краски, не акварель, гохуа – это непрерывное движение воды и краски!

Мастерские занимают в многоэтажках верхние этажи или подвалы, а также нежилые строения в переулках и дворах. В одних и тех же мастерских можно принимать делегации иностранцев, а иногда – ставить пьесу «На дне».

Живописец, актёр, поэт, изгнанный из дома за неверность или спившийся начальник, подозрительная бездомная личность, директор чего-то, которому грозит тюремный срок за растрату, проститутка, полоумный мечтатель – это неполная категория обитателей мастерских. Здесь происходят встречи невероятных и неправдоподобных судеб. У каждой свой случай и своя история.

Но весь устоявшийся порядок нарушило неожиданное явление гохуа.

Было так. Бежит начальница культуры, особа худая и вредная до невозможной степени, не хрен собачий. (Может быть, и – хрен?) Вбегаёт со своими причиндалами в мастерскую Юры. Заказ на «тройку» или Ильича? Нет, начальница рисует совсем другую картину:

– Иностранец со свитой! Желает видеть все русские знаменитости, особенно художников и поэтов. Пьянь и дрянь вон отсюда, кроме, кроме, – мазнув взглядом по присутствующим, ткнула пальцем в меня, – На месте. Поэзий развлечёшь.

Бутылки, куски хлеба, полные банки окурков и пепельниц, хвосты селедок – всё в мешок и на антресоли. Дежурный коврик на пол, на стол – белейший матовый ватман. Юра не воспринимает всё ослепляющее и глянцевое. На ватман водружается ваза, из которой много лет торчат какие-то злаковые и высохший репейник.

Толпа выметнулась по приказу начальницы и сразу вернулась как будто случайно, мимоходом.

Лица ополоснули, бороды причесали. Ободрились. Ждём-с...

Делегация нагрянула, как стая изысканных и говорливых птиц. Одни китайцы. Один Ге Ша – еврей. В Мангышлак едет. По пути заезжает ко всем знаменитым русским художникам, которые в дальнейшем могут стать его рекомендациями в России, как и он сам – рекомендацией для них в Китае.

Грянули залпы, полетели пробки шампанских, зашипело в бокалах, забулькало в стаканах. Мастерскую озарили вспышки фотоаппаратов. Немедленно вспыхнула международная гулянка!

И в этой вакханалии Ге Ша показал Юре стиль гохуа. Он изящно взял рукой кисть и, обмакнув её в акварельные краски, одним движением вывел на матовом ватмане летящую в белом пространстве белку.

Так было сломано равномерное течение нашей жизни. Вопрос, который прозвучал в начале рассказа, отпал сам по себе...

Через несколько месяцев в мастерскую поднялся почтальон и торжественно вручил Юрию Анатольевичу бандероль. Там были номера цветных китайских журналов, на одном из разворотов – мы и мастерская Юры.

Теперь он время от времени отрывается от своего гохуа, тычет в иероглифы и объясняет: – Это про нас. Тут всё про нас. Это китайцы так пишут... В общем, гохуа.

Кони Гефеста

1990 год. Зима. Город на Восточной окраине России. От угла дома на пересечении улиц Ленина и Островского до невзрачного магазина из белого кирпича получилась утоптанная по снегу диагональ, пролегающая через площадь Декабристов с выходом на угол улиц Чкалова и Полины Осипенко. По диагонали люди ходили за водкой в этот самый магазин из белого кирпича. Очереди растекались по названным улицам живыми потоками...

По обе стороны этой тропинки первые бомжи перестройки собирали «бычки» самокруток, сигарет «Прима», «Астра». «Бычками» торговали. Но в магазинах порой и этого не было. Пакеты ещё не валялись, бутылок тоже не наблюдалось, сами сдавали. Свалок не припоминаю...

– Ты понимаешь, я – Гефест, – объяснял мне по пути Юрий Анатольевич Круглов, затягиваясь самокруткой из крепчайшей махорки. – А Гефест – это урод. Вот послушай...

Мы остановились и разговорились, удивляя прохожих, тоже любителей этой диагонали. Дыша на меня табаком, внимательно смотря в глаза, Круглов стал рассказывать историю жизни урода Гефеста.

– Мы с ним люди одной судьбы, – убеждённо говорил мой друг. – Родился он тщедушным, хромым, щупленьким. В общем, не жилец... Уродец. Как и я...

Началась эта история ночью.

Никогда не знаешь на что или кого наткнёшься, собираясь в гости к художнику. Часа в два ночи я набросал стихотворение. Это были впечатления: опять же Круглов, пейзаж – река, ивняки, отмель и лодка...

Еще немного! Первый лучик робко

Забрезжит сквозь извивы ивняков.

На отмели ссутуленная лодка

Все ждет меня из глупых городов...

Меня мучило, что цвета пейзажа напоминали стиль моего друга Яна Ивановича Шплатова: что-то матовое, приглушённое, с едва заметным коричневым оттенком. Хорошо это или плохо? Строки надо было показать Круглову. Сейчас ему, наверное, очень одиноко...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.